
Камила Левитан ✦ Екатерина Свет
Развод с предателем.
Ты продал мою лабораторию ради беременной любовницы!

Екатерина Свет

Развод с предателем. Ты продал мою лабораторию ради беременной любовницы!

«Автор»
2026

Свет Е.

Развод с предателем. Ты продал мою лабораторию ради беременной любовницы! / Е. Свет — «Автор», 2026

Семь лет я создавала препарат, который должен был изменить медицину. Но в день решающей презентации муж назвал меня психически нестабильной, выгнал из собственной лаборатории и отдал моё открытие беременной любовнице.Он забрал документы, деньги, работу и даже право называться автором.Аркадий уверен: без него я никто. Но формулу невозможно украсть из моей памяти.Чтобы вернуть своё имя, мне приходится заключить опасную сделку с властным владельцем холдинга Виктором Соловьёвым. Его помощь может оказаться новой клеткой. А подменённый препарат грозит чужими жизнями.Я должна разоблачить предателя, спасти разработку и доказать главное: мной больше никто не будет распоряжаться. Даже мужчина, которого полюблю по-настоящему.

© Свет Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Камила Левитан, Екатерина Свет
Развод с предателем. Ты продал мою лабораторию ради беременной любовницы!

Глава 1

Я шла в переговорную за своей победой. В кармане тонкого шерстяного плаща лежала флешка с финальными графиками испытаний «Серотонина-X», без протокола синтеза. Мой препарат. Мои семь лет бессонных ночей, мои химические формулы, выжженные в памяти до боли в глазах. Я была готова подписать акт о передаче прав и получить бонусы, которые наконец-то закроют ипотеку. Ипотеку, которую мы взяли вместе с Аркадием. Которую он оформил на меня, потому что я — лицо науки, а он — «операционный директор», как он любил говорить, поглаживая подбородок.

Дверь открылась без звука. Магнитный замок щелкнул под ладонью, пропуская меня внутрь стерильной тишины.

В центре комнаты, у огромного экрана, стояла Елена.

Она была беременна. Живот округлился так сильно, что ткань ее костюма натянулась, как барабанная кожа. Но костюм был не её. Это был мой прошлогодний жакет цвета пыльной розы, который я оставила дома в шкафу. Аркадий принес его ей? Сам выбрал вешалку, снял чехол? Мы ещё не разводились. Он возвращался домой, ужинал со мной — и одевал эту женщину в мои вещи. Теперь его бывшая секретарша стояла у экрана, где должна была стоять я.

— ...таким образом, мы оптимизировали синтез молекул, снизив токсичность побочного эффекта на сорок процентов, — голос Елены лился медово, уверенно. Она даже не подняла глаз, когда я вошла. Инвесторы в креслах вокруг стола кивали, сверяя цифры на планшетах.

— Стоп, — сказала я. Голос сорвался, превратился в хрип. — Что здесь происходит?

Елена медленно повернула голову. На её губах играла улыбка, которая обычно предназначалась для клиентов, которых нужно было обвести вокруг пальца.

— Марина? Ты еще здесь? Совет директоров начался пять минут назад. Охрана, пожалуйста, сопроводите бывшего сотрудника.

«Бывшего». Слово ударило под ребра, холоднее ноябрьского ветра.

Я рванулась вперед, но два охранника в черных пиджаках материализовались из ниоткуда. Они не толкали грубо, нет. Они действовали мягко, профессионально, как те, кто привык убирать мусор перед приходом хозяина. Один перехватил мою руку за запястье, второй аккуратно, но неотвратимо блокировал проход к столу. От их дорогого парфюма першило в горле. Пот стекал по моему виску; вытереть его охранник не давал.

Тогда встал Аркадий.

Он подошел к микрофону, поправляя манжеты рубашки, которую я покупала ему на день рождения. В магазине ещё прикладывала к его лицу два оттенка синего — выбирала, в каком он меньше устаёт. Его лицо было спокойным, почти сонным. Он посмотрел на меня поверх очков, как смотрят на назойливую муху, которая села на экран ноутбука.

— Дамы и господа, прошу прощения за этот небольшой инцидент, — сказал он, и его голос заполнил комнату, гулко и властно. — Наша дорогая коллега, Марина Валентиновна, вчера написала заявление об увольнении по собственному желанию. Причиной названо профессиональное выгорание и... нестабильное эмоциональное состояние. Мы ценим её вклад в исследования на ранней стадии, но сейчас компания переходит к этапу коммерциализации. А там нужны люди устойчивые. Стрессоустойчивые.

— Ложь! — крикнула я. Воздух вышел из легких, горло перехватило спазмом. — Я ничего не подписывала! Аркадий, ты гнида, посмотри им в глаза!

Аркадий вздохнул. Тяжело, театрально. Он достал из папки распечатанный лист и повернул его к инвесторам.

— Подпись есть. Дата есть. Вот, смотрите. Ты была слишком уставшей, Марина. Мы позаботились о твоем отдыхе. Может, тебе стоит уйти домой и выпить валерьянки? Или лучше к врачу?

Инвесторы зашептались. Кто-то из них, крупный мужчина в сером костюме, спросил:

— А где исходники формул? Без полного пакета данных патентная защита шаткая.

Аркадий улыбнулся. Широко, обнажая зубы.

— Все данные переданы в надежные руки. Елена знает процесс лучше всех. Она лично контролировала каждый этап синтеза последних месяцев.

Меня тряхнуло от ярости. Мужчина в сером костюме больше не спрашивал об исходниках — уже листал слайды с прогнозом продаж. Остальные потянулись к планшетам. Аркадий ответил им про прибыль, и этого оказалось достаточно. Кто-то переложил ручку поближе к графику. Автор им больше не требовался; требовался человек, который обещает продажи.

Я рванулась к ноутбуку Аркадия. Пальцы скользнули по гладкой крышке устройства. Мне нужно было остановить презентацию. Показать им реальные графики, сравнить с теми фейками, что выводила на экран Елена.

Но моя рука зависла в воздухе.

Запястье заломили. Перед глазами побелело; боль прострелила руку до плеча. Охранник выкрутил мою руку за спину, прижимая плечо к стене. Я заскулила от боли, колени подогнулись. Меня не били. Просто лишили возможности двигаться. Корпоративный зал превратился в клетку, а я — в зверя, которого загнали в угол.

— Отпустите, — просипела я.

— Тихо, — прошипел охранник мне в ухо. — Не устраивайте цирк. Вам же хуже.

Аркадий продолжал говорить. Голос звучал ровно, монотонно, как колыбельная для тех, кто хочет уснуть и не проснуться. Он рассказывал о маркетологах, о логистике, о том, как «новый состав» изменит рынок антидепрессантов.

Когда шум в голове немного стих, я оглядела стол. Ни один человек не поднялся. Даже те, кто вчера поздравлял меня с окончанием работы.

Попыталась достать телефон свободной рукой. В левом кармане пусто; он оказался в правом. Экран показал только значок поиска сети. Сим-карта. Корпоративный номер. Аркадий имел доступ к админ-панели оператора. Он мог заблокировать номер одним кликом. Даже позвонить я теперь не могла. Всё, что было связано с моей работой, стало его инструментом против меня.

Аркадий оторвался от микрофона. Медленно, размеренными шагами подошел ко мне. Охранники разжали хватку, и я упала на колени. Они тут же схватили меня за локти и подняли. Я вцепилась ногтями в ткань его пиджака, чувствуя запах его одеколона — сандал и табак. Запах предательства.

Он наклонился. Так близко, что я почувствовала тепло его дыхания на своей щеке.

— Ты забыла пароль от своего же облака? — прошептал он, и в его глазах плясали чертики торжества. — Или ты просто никогда его не знала? Покажи им свою слабость, Марина. Покажи им, что ты не можешь управлять даже собственной жизнью.

Отшатнулась, будто меня ударили. Изоляция. Полная. Ни связи, ни денег (карты привязаны к счетам фирмы), ни поддержки. Друзья? Они видели новости. «Уволилась по собственному». Никто не позвонит первым, чтобы не показаться навязчивым или не испортить отношения с успешным бизнесменом Аркадием Савельевым.

— Уходи, — сказал он мне вслух. Потом повернулся к охранникам: — Проводите госпожу за пределы территории. Если она не покинет здание через десять минут, считаем это нарушением порядка.

— Моя лаборатория, — выдавила я. — Мои записи. В сейфе. Там черновики. Там оригиналы.

Аркадий рассмеялся. Тихо, коротко. Смех, от которого у меня свело скулы.

— Записи? Сегодня утром их уничтожили, дорогая. Твои бумажки из сейфа и личные бэкапы. Рабочий архив теперь принадлежит компании. Ты жила в иллюзии. А сейф... сейф пуст. Твоя «духовная дочь», стажерка Даша, уже собрала твои кружки и ручки в мусорный пакет. Они в баке у служебного выхода. Можешь забрать, если хочешь поиграть в археолога.

Даша. Та девочка, которой я помогала писать диплом. Которой я читала лекции по органической химии бесплатно. Которая приносила мне кофе, когда я работала до четырех утра. Она предала меня ради зарплаты? Ради того, чтобы стать «лицом компании»? Или ей просто приказали?

Я прижала свободную ладонь к груди и попробовала вдохнуть. Не получалось. Он перечислял мои кружки и ручки, а я всё думала о страницах из сейфа. Там были расчёты, которые я сверяла по ночам, закрыв дверь лаборатории. Он даже не спросил, что на них написано. Просто выбросил.

— Прочь, — повторил он, отвернувшись к экрану, где Елена уже начала показывать слайды с прогнозируемой прибылью.

Охранники повели меня к выходу. Я шла, шаркая ногами, как зомби. Каблуки царапали пол. Голова кружилась от голода и унижения. В коридоре пахло дезинфекцией и свежей краской. Здесь всё было новым. Чистым. Моим трудом оплаченным чужими руками.

На выходе из здания меня толкнули в плечо. Грубо, без извинений.

— Быстрее.

Свежий воздух ударил в лицо, обжигающий и резкий. Осень. Ноябрь. Дождь моросил мелкими иглами, впиваясь в кожу сквозь тонкий плащ. Холод мгновенно проник под одежду, заставив тело покрыться мурашками.

Я побежала к парковке. К своей машине. Серый внедорожник, который я купила на первые крупные премии. Он стоял там, среди других авто, блестя мокрыми боками. Спасение. Дом на колесах. Место, где можно было запереться и рыдать.

Потянула ручку двери. Заперто.

Потянула сильнее. Металл холодно сопротивлялся.

Ключи. Где ключи?

Вспомнила. Сумка осталась на спинке стула в переговорной. Там были ключи. Меня вытолкнули, не дав забрать даже её. А доступ к электронному замку был привязан к корпоративному аккаунту. К тому самому, который заблокирован.

Глава 2

Я стояла под дождем, мокрая, дрожащая, и смотрела, как подъезжает машина Аркадия. Та, которую он купил после моего первого патента. Она остановилась у входа. Аркадий вышел из здания, поправил воротник пальто. Посмотрел в мою сторону. Не с жалостью. Не с злобой. С равнодушием человека, который выбросил ненужную вещь.

Сел в свой автомобиль. Завел двигатель. Рев мотора заглушил стук моего сердца.

Машина тронулась. Проехала мимо меня, даже не сбавив скорость. Брызги грязи полетели на мои брюки. На серой ткани расползлись темные пятна. Даже отойти от брызг я не успела.

Я осталась стоять. Одна. В чужом городе, который принадлежал ему. Без денег, без связи, без машины, без уверенности, что меня пустят домой (ипотека зависела от дохода, который исчез).

Ноги отказались держать. Я осела на бордюр у въезда на парковку. Камень был ледяным, пробирающим до костей. Вода текла за шиворот, стекала по позвоночнику, оставляя следы холода. Я обхватила себя руками, пытаясь сохранить тепло. Зубы выбивали дробь.

В этот момент рядом остановились туфли. Дорогие. Кожа блестела в свете фонарей.

Я подняла глаза. Передо мной стоял высокий мужчина в длинном кашемировом пальто темного цвета. Лицо скрыто воротником и тенью капюшона, но я видела мощную челюсть и холодные, внимательные глаза.

Виктор Соловьев. Хозяин холдинга «ФармаГлобал». Конкурент Аркадия. Человек, о котором говорили шепотом. Тот, кто покупал активы, когда другие теряли головы.

— Плохой вечер для прогулок, — произнес он. Голос низкий, бархатный, с нотками металла.

Я инстинктивно отшатнулась, вцепившись в мокрый бордюр.

— Уйди, — прохрипела я. — Ты тоже хочешь добить? Аркадий послал тебя? Чтобы убедиться, что я действительно сломалась?

Он не ответил сразу. Достал из внутреннего кармана сигарету, но не закурил. Просто вертел её между пальцами.

— Аркадий Савельев — посредственный логист, который научился считать деньги, но не научился понимать химию, — сказал Виктор спокойно. — Он продал тебе плацебо. Настоящая формула «Серотонина-Х» не в базе данных. Она не в ноутбуке Елены. Она в твоей голове. И в тех заметках, которые он уничтожил, забыв, кто их писал.

Я подняла голову выше. Он назвал мои заметки — именно заметки, а не презентацию Елены. Значит, хоть один человек знал, что я сделала. Хотелось схватить его за рукав и заставить повторить это перед всем советом.

— Ты знаешь это? — спросила я, чувствуя, как дрожь меняется. Теперь она была не от холода, а от напряжения.

— Я знаю больше, чем ты думаешь, — Виктор протянул мне визитку. Черный картон, серебряная фольга. Только имя и номер. Никаких должностей. — Но знание бесполезно, если ты будешь ныть на бордюрах.

Он развернулся и пошел к своему автомобилю — черному лимузину с тонированными стеклами.

Я смотрела ему вслед. Потом перевела взгляд на визитку в своей руке. Мокрые пальцы оставляли разводы на бумаге. Имя: Виктор Соловьев.

Человек, которого боялся даже Аркадий. Человек, который мог купить всю лабораторию, не моргнув глазом.

Я впервые за час перестала дрожать. Провела большим пальцем по серебряным буквам, прикрывая картон от дождя. Аркадий мог выгнать меня из здания, но не заставить забыть, в каком порядке я добавляла реагенты. Проверила этот порядок в уме: всё на месте.

Аркадий уже считал будущую прибыль. Я видела этот слайд, прежде чем меня прижали к стене. Только до продаж ему предстояло повторить синтез — без моих записей и без меня. Пусть Елена попробует объяснить инвесторам, почему не выходит следующая партия. А я позвоню человеку, который знает цену этой заминке.

Я поднялась. Ноги гудели, одежда липла к телу, но голова была ясной. Холодной.

Я положила визитку в карман плаща.

И пошла искать такси. На два шага меня хватило. Я вернулась под козырёк служебного входа и дождалась, пока охранник вынесет мою сумку. Он вытряхнул ключи из внутреннего кармана себе в ладонь.

— До распоряжения директора останутся у нас.

Сумку он швырнул мне под ноги. Карта личного счёта и паспорт были на месте. Я проверила их на ощупь и пошла к автобусной остановке. На такси денег в кошельке не хватало; завтра сниму свои накопления. До открытия банка я просидела на автовокзале, прижав сумку к животу; всякий раз, когда закрывала глаза, слышала голос Аркадия у микрофона.

Ночь клевала носом; я боялась заснуть и проспать открытие. Утром я встала первой у дверей отделения, ещё до того, как зажглось табло, и досчитала до тысячи, пока внутри не щёлкнул замок.

В отделении банка я никак не могла согреть пальцы. За стеклом окошка стрекотал принтер, пахло тонером; женщина впереди меня уже третий раз пересчитывала выданные купюры. У окошка «Экспресс» я прижимала сумку к груди, чтобы никто не заметил дрожащих рук. Внутри лежала карта моего личного счета. Три года я переводила туда часть каждой премии; Аркадий смеялся над моей запасливостью. Теперь этих денег должно было хватить на гостиницу и адвоката. Я ещё раз проверила, что карта со мной.

— Заморожен, — сказала девушка за стеклом. Она даже не подняла глаз от монитора. Голос у неё был скучающий, как у бариста, который слышит «без сахара» в сотый раз за день.

— Что значит заморожен? — мой голос сорвался на визг. Я чувствовала, как горло сводит спазмом. — Это мои деньги! Мои! Аркадий Савельев больше не имеет ко мне никакого отношения!

— По запросу службы безопасности компании «БиоСинтез» открыто производство по делу о подозрении в мошеннических операциях со счетами юрлица. Операция невозможна. Следующий!

Меня вывели охранники. Не грубо, но настойчиво. Они держали меня под локти, как хрупкую фарфоровую статуэтку, которую боятся разбить, но и держать не хотят. На улице меня догнал ветер, пробираясь под тонкий плащ, который за ночь так и не высох. Мимо проезжали машины, люди спешили, смеялись, жили. Мужчина с пакетом из пекарни обогнул меня, торопясь к банкомату. Ему сейчас выдадут деньги. А мне нечем заплатить даже за булку, запах которой тянулся из его пакета. Я крепче сжала ремень сумки: нельзя было стоять тут до вечера.

Утром я купила самую дешевую сим-карту на мелочь из кармана. Теперь телефон наконец ловил сеть. Я нашла номер Даши. Моей стажерки. Той самой девочки, которой я два года назад говорила: «Не бойся ошибаться, Марина не боится». Сейчас я набирала её номер с надеждой идиота.

— Алло? — шепот в трубке был дрожащим.

— Даша, это Марина. Слушай, мне нужны ключи от лаборатории. Или хотя бы список, где мои личные вещи. Те пробирки с синим осадком, они...

Тишина была оглушительной. Потом всхлип. Тихий, сдавленный звук, от которого у меня заныли зубы.

— Марина Валентиновна... нас всех уволили. Сегодня утром. Сказали, что вы... что вы были в заговоре. Аркадий Петрович сказал, если кто-то будет с вами говорить, его внесут в черный список всей отрасли. Навсегда.

— Даша, я ни в чем не виновата!

— Пожалуйста, не звоните мне больше. Мне страшно.

Гудки. Я держала телефон у уха, хотя Даша уже отключилась. Хотелось набрать снова, сказать, что я на неё не сержусь. Но она и так плакала от одного моего звонка. Аркадий пригрозил людям работой, а я просила их рискнуть ради моих пробирок. Палец застыл над кнопкой вызова. Я посмотрела на экран: 14% заряда. Темнота наступала быстрее, чем я думала.

Дом. Слово звучало как рана. Я ехала туда на автобусе, потому что моя машина была арестована судебными приставами «в рамках обеспечения иска». Квартира, которую мы брали в ипотеку вместе с Аркадием, формально была оформлена на меня. Но юристы Савельева были быстрыми и циничными.

Консьерж Женька. Мы пили с ним чай по средам, когда я возвращалась после ночных дежурств. Он знал про мою любовь к имбирю и про то, что я плачу над химическими формулами. Когда я подошла к подъезду, Женька отвел глаза. Его лицо стало каменной маской.

— Марина Валентиновна, вас нет в списках жильцов, — буркнул он, не открывая двери домофона.

— Женя, открой. Там мои книги. Мои тетради.

— Ключи изъяты службой судебных приставов. Протокол подписан сегодня.

Глава 3

За дверью, в холле первого этажа, засмеялась Елена. Высоко, серебристо. В руке у неё был мой бокал, синий, с неровной ножкой — я покупала такие на первую премию. Она подняла его в мою сторону и сделала глоток. Уже отмечала победу.

Я ударила кулаком в металлическую дверь. Один раз. Второй. Третий. Боль отдавала в костяшки, но не заглушала боль внутри. Я царапала ногти о металл, пытаясь найти хоть какую-то щель, хоть какой-то рычаг. Бессильно сползла по стене вниз, сев на холодный бетон. В отражении стеклянной двери я увидела себя: растрепанная, с красными глазами, в мятом плаще. Жалкая. Никому не нужная тварь.

Ночь провела в машине. Нет, не в своей. В той, в которую я забралась на парковке бизнес-центра: задняя дверь оказалась незапертой. Через шлагбаум я бы её не вывела, да и ключей не было. Это был серый «Форд Фокус» какого-то бухгалтера. Уродливый, пахнущий табаком и сыростью.

Я сидела на заднем сиденье, свернувшись калачиком, чтобы сохранить тепло. Холод пробивал насквозь, кусал за уши, прятался под мышками. Телефон сдох час назад. В голове крутилась одна мысль, назойливая, как мошка: «Я умру здесь. И никто не заметит. Аркадий даже не проверит, где тело». Каждый шорох шин за окном казался шагами убийцы. Каждое мигание индикатора сигнализации — пульсом умирающего сердца.

В три часа ночи я не выдержала. Вышла наружу. Воздух был колючим, острым, как битое стекло. Я закурила последнюю сигарету из пачки, найденной в бардачке вместе с зажигалкой. Дым обжигал легкие, давая иллюзию жизни. Я стояла у капота, глядя на темную громаду здания бизнес-центра, и чувствовала себя зверем, загнанным в угол.

— Плохая привычка, — раздался голос рядом. Низкий, бархатный, властный.

Я вздрогнула, чуть не выронив окурок. Из тени колонны вышел мужчина. Высокий, в длинном черном пальто, которое стоило больше, чем весь мой гардероб за пять лет. Виктор Соловьев. Собственник «ФармаГлобала». Человек, чье имя произносили шепотом и боялись.

Он не смотрел на меня. Он смотрел на мои руки, дрожащие от холода и никотина.

— Как вы... — начала я, но голос отказал.

— Я ждал, — сказал он спокойно. Будто мы договаривались о встрече в ресторане, а не на мокром асфальте паркинга. — Аркадий слишком предсказуем. Он любит показуху. Но он не знает главного.

Виктор сделал шаг ближе. От него пахло дорогим одеколоном, кожей и опасностью. Этот запах смешивался с запахом бензина и страха, создавая коктейль, от которого кружилась голова.

— Ты единственная, кто знает настоящую формулу, — произнес он. Его глаза были темными, непроницаемыми. В них не было жалости. Только расчет. — Аркадий купил пустышку. Плацебо. Красивую коробку без содержимого.

Я замерла. Сигарета догорела до фильтра, обжигая пальцы. Я почувствовала боль, но она показалась далеким эхом.

— Что вы знаете?

— Достаточно, чтобы понять: ты не жертва. Ты инструмент. Самый дорогой в этом городе.

Сердце заколотилось где-то в горле. Страх перед ним был животным, первобытным. Он выглядел как хищник, который решил, что добыча интереснее, чем обычно. Но в его словах была искра. Надежда? Или ловушка?

— Зачем вам это? — спросила я.

— Потому что Аркадий собирается занять мой рынок твоим именем. Я хочу настоящее лекарство. А ты хочешь вернуть себе имя. Или уже передумала?

Виктор достал из внутреннего кармана визитку. Черную, с серебряными буквами. Такую же, как та, что уже лежала у меня в кармане. Он протянул её мне. Пальцы были сильными, чистыми. Никаких украшений. Только уверенность.

— У тебя есть два часа, — сказал он. — Пока полиция не получила ордер на обыск этой машины. Аркадий уже знает, где ты ночуешь. Скажет, что ты вынесла из офиса документы и спрятала их здесь. Чем будешь отвечать без адвоката?

Я сжала губы, чтобы он не услышал, как стучат зубы. Два часа. Их не хватит ни на поиски адвоката, ни на объяснения в полиции. А он стоял в сухом пальто и мог ждать моего ответа сколько угодно. Хотелось послать его вслед за Аркадием — и сразу спросить, есть ли в машине отопление.

Я посмотрела на свои руки. Синие от холода, грязные, дрожащие. Посмотрела на темный силуэт бизнес-центра, где ещё недавно у меня была работа. А потом перевела взгляд на Виктора. На его спокойное, почти скучающее лицо.

Я взяла вторую визитку и прижала её к первой в кармане. Теперь это было не приглашение на потом.

— Куда ехать? — спросила я.

Лимузин ждал у выезда. Внутри было тепло, тихо и пахло новой кожей. Я села на заднее сиденье, и тело предательски расслабилось. Впервые за сутки дрожь прекратилась. Виктор сел напротив, скрестив ноги. Он не касался меня. Не смотрел на меня с похотью или жалостью. Он изучал. Как лабораторную крысу в новом лабиринте.

Мы молчали всю дорогу. Город мелькал за тонированными стеклами, превращаясь в размытые пятна света. Я отогревала пальцы и смотрела на Виктора. За тепло придётся рассчитаться работой; он ещё не сказал, сколько заберёт себе. На этот раз я должна услышать условия прежде, чем подпишу хоть строчку.

Машина остановилась. Ворота массивного технопарка «ФармаГлобал» открылись, пропуская нас внутрь. На повороте свет фар ударил в окно. Я зажмурилась, ещё сжимая две визитки в кармане. За спиной остался холод, голод и унижение. Впереди была неизвестность, пахнущая химией и властью.

Виктор вышел первым и протянул мне руку.

— Добро пожаловать в симфонический оркестр, Марина, — сказал он, и в его улыбке не было тепла, только сталь. — Аркадий уничтожил твои бумажные заметки, потому что думал, что там вся суть. Но я знаю, что ты держишь структуру молекулы в голове, как музыкальную тему. Ты не химик. Ты композитор. И мне нужна твоя симфония, а не его шум.

Я вложила свою руку в его. Его ладонь была сухой и горячей; на миг захотелось просто постоять так, пока согреюсь. Но Виктор уже повернулся к входу. Я выбралась из машины, расправила затёкшие плечи и пошла рядом. Он ждёт от меня формулу. Значит, утром мне нужен будет стол, бумага и право задавать вопросы.

Внутри технопарк встретил меня тем же стерильным светом, что и лаборатории Аркадия, только здесь даже пахло дороже. Виктор шагнул к лифтовой панели, и мне ничего не оставалось, кроме как войти следом.

Лифт «ФармаГлобал» не имел кнопок этажей. Только панель биометрии, где тускло горел красный индикатор ожидания. Я стояла в центре кабины, чувствуя себя подопытной крысой, которую забыли покормить. От дезсредства щипало нос. Даже лифт здесь нельзя было заставить ехать без чужого разрешения.

— Отпечаток пальца подтвержден, — механический голос выдал сухую констатацию факта. — Ожидание верификации администратора.

Я спрятала дрожащие руки в карманы. В машине Виктора они отогрелись, а здесь опять не слушались. Красный индикатор всё горел. Сколько ещё он будет решать, впустить меня или нет? Я уже представляла, как двери откроются на первом этаже и меня снова выставят под дождь. Только теперь даже машины для ночлега рядом не будет.

Экран погас. Двери распахнулись бесшумно, как челюсть хищника.

Внутри не было хаоса лабораторий моего бывшего мужа. Ни разбитых колб, ни стопок журналов, ни запаха старого кофе. Здесь царила стерильная, хирургическая пустота. Стены из матового стекла, пол из полированного бетона, отражающего мой жалкий силуэт в мятой блузке. Окна затянуты пленкой так плотно, что дневной свет превращался в призрачное свечение. Выхода наружу не было. Был только вход внутрь.

Я сделала шаг. Каблуки стукнули гулко, эхом разлетевшись по бетонному лабиринту. На центральном столе лежал список реагентов. Я пробежала взглядом по строкам, и сердце провалилось в желудок. Ключевые компоненты для синтеза моей молекулы отсутствовали. Вместо прекурсоров третьего поколения там были дешевые аналоги первого.

Виктор проверял меня. Он хотел увидеть, сломаюсь ли я, когда пойму, что «топлива» нет, или начну импровизировать. А может, он надеялся, что я ошибусь. Что убью себя токсичными побочками. Или что признаю поражение и буду умолять о помощи.

— Хорошо, — выдохнула я себе под нос, чувствуя вкус крови на внутренней стороне щеки. — Если у тебя нет бензина, я сожгу дерево.

Я начала перестраивать цепочку реакций прямо в голове. Вычеркнула первый привычный этап, за ним второй: с этими реагентами они не сработают. Теперь каждый шаг придётся пересчитать, а потом ещё удержать всю цепь, пока работаю. Мне нужно было заменить высокочистый растворитель на смесь спиртов, которые здесь имелись, но в неправильных пропорциях. Риск был огромен: одна ошибка в температуре — и весь синтез станет ядом.

Глава 4

Часы на стене тикали. Тик-так. Тик-так. Каждый звук ударял по нервам, как молоток. Пот стекал по вискам, щипля глаза. Мои пальцы, привыкшие к точности микроманипуляторов, теперь двигались с судорожной скоростью, набирая реактивы в пробирки. Я чувствовала, как дрожат мышцы плеч. Голова кружилась от напряжения, мир сужался до узкого горлышка колбы и синего пламени горелки Бунзена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.